

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

TRANSACTIONS OF THE MARR INSTITUTE OF LANGUAGE AND MENTALITY, vol. IX

AFRICANA

**TRANSACTIONS
OF THE SECTION OF AFRICAN LANGUAGES**

I

**THE ACADEMY OF SCIENCES PRESS
MOSCOW · 1937 · LENINGRAD**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. акад. Н. Я. МАРРА, т. IX

AFRICANA

ТРУДЫ

ГРУППЫ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1937 · ЛЕНИНГРАД

Июнь 1937 г. Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. П. Горбунов*

Ответственный редактор акад. *И. И. Мещанинов*

Технический редактор *К. А. Гранстрем*. — Ученый корректор *Д. С. Лихачев*

Сдано в набор 11 ноября 1936 г. — Подписано к печати 28 июня 1937 г.

198 стр. (16 фиг.) + портрет
Формат бум. 72×110 см. — $12\frac{1}{2}$ печ. л. — 14,01 уч.-звт. л. — 44835 тип. зн. — Тираж 1000
Ленгорлит № 1640. — АНИ № 1296. — Заказ № 2070

Типография Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
И. Л. Снегирев. Н. Я. Марр и африканские языки	9
Н. В. Юшманов. Фонетические параллели африканских и яфетических языков	19
И. Л. Снегирев. Материалы по современной социально-экономической терминологии в языках зулу, коса и суто	45
Н. В. Юшманов. Сибилянтная аномалия в числительных тигринья . .	77
И. Л. Снегирев. Революционные песни южноафриканского пролетариата	89

РЕЦЕНЗИИ

Alice Werner. Myths and Legends of the Bantu. — <i>И. Л. Снегирев</i>	97
D. Westermann and Ida C. Ward. Practical phonetics for students of African Languages. — <i>Н. В. Юшманов</i>	99
A. N. Tucker. The comparative phonetics of the Suto-Chuana group of Bantu Languages. — <i>Н. В. Юшманов</i>	106
E. W. Selmer. Experimentelle Beiträge zur Zulu-Phonetik. — <i>Н. В. Юшманов</i> .	109
A. Reichart and M. Küsters. Elementary Kiswaheli Grammar. — <i>Д. А. Ольдеропе</i>	110
Из пособий по языку хауса. — <i>Н. В. Юшманов</i>	111
B. C. Abraham. The principles of Hausa. — <i>Н. В. Юшманов</i>	118
G. P. Bargery. A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary — <i>Н. В. Юшманов</i>	122
F. W. Taylor. A Fulani-English Dictionary. F. W. Taylor. Labarin al'adun Hausawa da zantatukansu. — <i>Д. А. Ольдеропе</i>	127
Амхарские записи Н. И. Ашинова <i>Н. В. Юшманов</i>	128
J. Baeteman. Dictionnaire amarigna-français. — <i>Н. В. Юшманов</i>	135
P. Mauro da Leonessa. Grammatica analitica della lingua Tigray. — <i>Н. В. Юшманов</i>	137
Tanganyika Territory. Report of Education Conference 1925. Together with the Report of the Committee for the Standardization of the Swahili Language. — <i>Д. А. Ольдеропе</i>	140
The Maibuye Reader. — <i>И. Л. Снегирев</i>	142

БИБЛИОГРАФИЯ

	Стр.
Africa. Vol. VI. №№ 1—4. — <i>И. Снегирев</i>	147
Africa. Vol. VII. №№ 1—4. — <i>П. А.</i>	151
Bantu Studies. Vol. VIII. №№ 1—4. — <i>П. А.</i>	154
Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Bd. XXXV. — <i>Д. А.</i> <i>Ольдеропе</i>	156
Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Bd. XXXVI. — <i>Д. А.</i> <i>Ольдеропе</i>	157
Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Bd. XXV. №№ 1—2. — <i>П. А.</i> . . .	159
Библиография африканских языков. Группа юго-восточных языков банту	163
Список литературы по африканским языкам, получаемой библиотекой Института языка и мышления им. Н. Я. Марра Акад. Наук СССР. Поступления 1934/35 г.	197

Акад. Н. Я. Марр со своим осведомителем
по кабилскому языку Ali Haffaf

(Снимок сделан во время командировки Н. Я. Марра во Францию
и Северную Африку в 1927—28 гг.).

И. Л. СНЕГИРЕВ

Н. Я. Марр и африканские языки¹

В своей неутомимой творческой деятельности создатель нового диалектико-материалистического учения о языке Н. Я. Марр дважды обращался к материалам африканских языков и оба раза в результате проведенных исследований из-под его пера выходили работы, специально посвященные африканским языкам. В этих работах территориально были захвачены крайний север и крайний юг африканского материка. Первая из них была посвящена готтентотскому языку,² вторая берберскому.³

Для некоторых лиц, незнакомых с характером нового учения о языке и хотя бы основными моментами его развития, отражающими напряженную борьбу со старыми лингвистическими методами исследования, иногда кажутся странными столь далекие экскурсы Н. Я. Марра, известного многим в качестве крупнейшего специалиста в области кавказских языков.

Вследствие этого необходимо хотя бы кратко представить себе творческий путь Н. Я. Марра по основным этапам его работы, как они отчасти печатно отмечались им самим.

На первом этапе центром исследовательского внимания Н. Я. Марра являлась проблема взаимоотношений, в плане определения генетического родства, яфетических языков с семитическими. Как указывал и сам исследователь, на этом этапе правильному историческому определению грузинского языка, стоявшего в центре считавшихся тогда единственно родственными яфетическими языками — мегрельским, чанским и сванским, мешала узость этой яфетической базы и характер и традиции семитической филологии, возводившей к большой древности семитические языки, в результате

¹ Настоящие строки являются предварительной заметкой. На эту же тему нами подготавливается подробная статья.

² Н. Я. Марр. Готтентоты-средиземноморцы. Изв. Акад. Наук, 1927, стр. 405—416.

³ Н. Я. Марр. Карфаген и Рим. (Из яфетической Африки — Берберии.) Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 372—415.

чего «приходилось рассматривать яфетидов как племя, представленное молодыми народами, а его значение определять его родством с семитами. Яфетические языки приходилось считать сохранившимися, не в пример семитическим, в обновленном виде, со многими, казалось, новшествами, отделявшими их от архетиповой речи»...¹ Вскоре после опубликования «Основных таблиц»² с очевидностью встала необходимость расширения базы исследования не за счет привлечения новых материалов древне-письменных языков, а живых языков Кавказа — сдвиг большого методологического значения, знаменовавший собою переход на следующий более плодотворный этап исследования. Тем не менее работы о родстве грузинского языка с семитическими давали уже на будущее выход в Средиземноморье.

Второй этап характерен изучением связей уже определенных яфетических языков с рядом живых языков Кавказа, причем в результате Н. Я. Марр вынужден был разделить состав расширившейся группы яфетических языков на две ветви и назвать эту группу самостоятельной семьей яфетических языков. «Две большие ветви, определившиеся тогда в составе яфетической семьи, были отвлеченно-теоретически воспринимаемы и отвлеченно-теоретически названы лингвистическими терминами, одна — сибилантной, другая — спирантной, по соответствию свистящих с шипящими звуков одной ветви, придыхательными звуками другой ветви. Вскоре наметилась необходимость таким же путем выделить из состава спирантной или придыхательной ветви отвлеченно-теоретически самостоятельную ветвь — сонорную (из носовых и губных с плавными), т. е. признать одну яфетическую семью, сложившуюся из трех ветвей». С переносом центра исследовательского внимания на живые яфетические языки встает и проблема скрещенных языков, типа армянского, в которых выделяются яфетические элементы.

Лингвистический метод Н. Я. Марра к третьему этапу уже оплодотворен новыми материалами живых бесписьменных языков, и исследователь по-новому подходит к ряду древне-письменных языков, определяемых как яфетические — эламскому, шумерскому, халдскому. Он решительно выступает против «историко-филологического» заблуждения, что древнейшие типы языков зафиксированы в письменных источниках мертвых языков. Со всею решительностью он говорит о том, что многие живые бесписьменные яфетические языки являют собою более архаичные черты, чем

¹ Н. Я. Марр. Яфетиды. Сб. Восток, кн. I, стр. 85.

² Н. Я. Марр. Основные таблицы к грамматике грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908.

тот же эламский или шумерский. Язык письменного источника четвертого тысячелетия может иметь более молодые элементы, чем какой-либо современный бесписьменный язык. Для этого этапа характерна хорошо известная и среди ряда западноевропейских исследователей истории и языков Древнего Востока работа о второй категории Ахеменидских надписей.¹ Обращение к мертвым передне-азиатским языкам расширяет круг яфетидологических штудий в сторону Средиземноморья и закономерно приводит к четвертому этапу.

Четвертый этап начинается с определения веркшикского языка на Памире как яфетического и такого же определения лежащих территориально далеко на Западе живого баскского и мертвого этрусского. Для этого этапа характерна широко известная работа «Третий этнический элемент».² Н. Я. Марром на данном этапе выставляется положение о том, что языковые данные совместно с данными материальной культуры дают нам возможность говорить о наличии в Средиземноморье яфетического субстрата, который он именуется третьим этническим элементом, сыгравшего огромную роль в общем развитии человеческой культуры на территории Средиземноморья. На этот субстрат, по его мнению, наслоились позднейшие этнические элементы, в том числе индоевропейский. Скрещении двух этнических элементов и объясняло для него наличие яфетических элементов в языках других языковых систем.

Пятый этап имел в работах Н. Я. Марра огромное значение. Широко развернувшиеся палеонтологические работы привели Н. Я. Марра к революционному отказу от внешнего фактора этнических скрещений как фактора развития языков Средиземноморья. Взамен этого Н. Я. Марр выдвинул положение об исторической стадильности развития языков. При этом индоевропейские языки стали разъясняться не как расово обособленная система, отложившаяся путем вторжения чуждого этноса на яфетических языках, а как исторически позднейшее образование по сравнению с яфетическими языками, как новая стадия развития тех же яфетических языков.³ «Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово

¹ Н. Я. Марр. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. (Предварительное сообщение.) Зап. Вост. отд., т. XXII, стр. 31—106.

² Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в соиздании средиземноморской культуры. Мат. по яф. яз., т. XI. Лейпциг, 1920.

³ Это положение было впервые сформулировано в небольшой заметке: Н. Я. Марр. Индо-европейские языки Средиземноморья. Докл. Акад. Наук, 1924, стр. 6—7.

особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расово особому праязыку... Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещенной, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства... Индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям это дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморье — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация».¹

В работе над яфетическими языками Н. Я. Марр не только приходит к историческому определению места этих языков в едином процессе глоттогонии, но и выковывает новый метод подхода к языковым фактам, диаметрально противоположный индоевропеистике, как общему учению о языке. Яфетическая теория, как ее сам назвал в свое время ее создатель, перерастает рамки изучения языков яфетической системы — яфетического языкознания и превращается в общее учение о языке, что фиксируется в печати выпуском так наз. «Бакинского курса».² Привлечение материалов различных языков в целях получения синтеза единого процесса развития языка достигает необычайно широкого размера. Уже ранее Н. Я. Марром привлекались американские материалы,³ теперь привлекаются данные китайского языка⁴ и, наконец, через проблематику Средиземноморья его внимание привлекает к себе отдаленный пункт черного материка — материалы готтентотского языка входят в орбиту научного внимания исследователя. Рождается работа «Готтентоты — средиземноморцы».

Основной задачей Н. Я. Марра было выяснение связей языка нама с разностадийными языками Средиземноморья. Центральное место имел в работе анализ лексического материала при помощи четырех элементов. Результаты анализа были сформулированы Н. Я. Марром следующим образом.

«Слова не выходят своим составом за пределы четырех элементов (А, В, С, D). Язык Нама выявляет факты, устанавливающие, что в значении 'руки' в его словотворчестве были использованы все четыре элемента.

¹ ПЭРЯТ, стр. 244.

² Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Баку, 1927.

³ Н. Я. Марр. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. Восточный сборник Публичной библиотеки, т. I, стр. 167—192.

⁴ Н. Я. Марр. Китайский язык и палеонтология речи, I—V. Докл. Акад. Наук за 1926 г., стр. 93—96, 109—112, 129—132.

Элемент А: а) сиб. $d_1 \leftarrow *d_1y \sim doy \swarrow dog^*$ [‘рука + женщина + вода’]

I. d_1 ‘делать’ \leftarrow ‘*рука’ \rightarrow ‘образ’ в выражении $ma-d_1$ ‘каким образом’, ‘как’, $pe-d_1$ ‘этим’, $gesp.$ ‘таким образом’.

II. Его разновидность, сохранившаяся с губной огласовкой «о» в виде doy (из $dog \leftrightarrow *dur$), означала ‘воду’, как видно из его же закономерных семантических дериватов —

1. ‘Двигаться’, ‘путешествовать’ — doy , ‘гнать’ — doy — («doi-xkha»).

2. $doy-omi$ ‘корабль’, букв. ‘водяной дом’ (ср. ниже $huri-omi$).

3. С полным исчезновением, как в d_1 , плавного исхода и с узким губным гласным du в составе скрещенной основы $du-bu$ ‘топить’, ‘погружать в воду’.

Тот же термин с сохранением плавного мы усматриваем, поскольку с ‘водой’ как жидкость отождествляется ‘кровь’ (Н. Марр. О полигении семантики, ИАН, 1926, стр. 784 сл.), в основе dog глагола $dog-a$ ‘истекать кровью из носа’, здесь нос не при чем, dog означало ‘*кровь’, и с таким значением то же слово появляется в разновидности dol у басков в их скрещенном из двух элементов (СА) слове $o-dol$ ‘кровь’.

В значении же ‘воды’ его аффрикатная разновидность dur имеется в армянском языке на Кавказе, где в языках шипящей группы, мегрельском и чанском, с зубным на дальнейшей ступени озвончения ʃ , то же слово в виде $dur \sim \text{ʃur}$ $gesp.$ ʃi значило ‘*женщину’, отсюда —

III. М., ч. ʃi ‘жена’, в дательном падеже м. ʃur-sə , а затем м., ч. ʃur-i ‘vulva’.

Слово в значении ‘женщина’ не чуждо и намайскому языку, но с огласовкой свистящей группы — $tar+a-s$ ‘женщина’, основа tar ($\sim \rightarrow tra$ в восточном диалекте в соединении с kue ‘человек’: $tra-kue$ ‘женщина’) $-dal id.$ (в г. $s-dal$ ‘невеста’, ‘невестка’) \sim шм. $gal \rightarrow$ г. $qal id.$, $resp.$ $qar-$ (в г. $qar+a-bit-a$ ‘гермафродит’) и со сванской перегласовкой der в скрещенном бск. $ap-der-e$ ‘женщина’ (ср. tar ‘вода’ у чанов, да по армянскому деривату ‘жажда’ (Н. Марр. Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, ДАН, В, 1927, стр. 83.), груз. tar ‘ручка’, ‘рукоять’ \leftarrow ‘*рука’). В намайском языке мы замечаем обратное тому явление, что мы имеем у грузин, в речи которых окание вторгается в ʃol ‘женщина’, когда ожидалось бы $*\text{ʃal}$ (\swarrow шм. sal ‘женщина’), см. выше — dal .

b) спир. $ho \leftrightarrow hu \leftarrow hu$ [\swarrow $hog \leftrightarrow hur$] *['рука + женщина + вода'].

I. 'Рука': 1. hu 'помогать', $hu-s$ 'помощь' ← '*рука'.

2. ho : а) 'находить', 'производить' ← '*рука', б) 'рождать', $ho-s$ 'рождение' ← '*женщина' (+ '*рука').

В значении руки сюда примыкает и чув. $\chi ol \leftrightarrow \chi ul$, разновидности шипящей группы с перерождением $г$ в l , как то наблюдаем мы и во вкладе из шипящей группы в др.-л. грузинских $qol-o$ 'однако', 'но' и $m-qol-o$ 'единый', одинаково дериватах от 'руки' (Н. Марр, О числительных..., стр. 89). В значении предлога слово с $г$ сохранилось и у чувашей в основе $иг$ (← hur) 'рука', наличной в $иг-lə$ 'через' → 'поперек', букв. 'рукой'.

II. В значении воды hur (→ $иг$ → u), обычное слово в баскском, у Нама $hur-i$ 'море' (← 'вода'), отсюда $hur-i omi$ 'корабль', букв. 'морской', гесп. 'водяной дом' (см. выше).

В намайском $иг-i$ 'прыгать', 'скакать', также восходит к 'воде + реке', как арм. $qal-al$ 'двигаться', 'играть', л. $sal-i-o$ 'прыгать'. И тогда, параллельно с намайским $иг-i$ 'прыгать' — $иг+i-p$ 'блоха', нельзя не указать на возможную неслучайность созвучия $г$. $tkil$ 'блоха' (скрещенно: $br-tkil$, $gr-tkil$, $r-tkil$) с $г$. $tkal$ 'вода+река' и т. п., т. е. получилось бы, что соответственный термин значит 'прыгун', точно подобно крымовской 'попрыгунье-стрекозе' человечество при наречении 'блохи' руководилось образом 'прыгуньи блохи'.

III. В значении же 'женщины', гесп. 'девушки' сохранилось это слово у армян двойко ($иг \leftrightarrow ог$): в скрещенном $иг-h^{\circ}/_1 \rightarrow u-h^{\circ}/_1$ 'женщина' и в сложном $ог+i-ogd$ 'девушка' (← 'женщина дитя') и т. д. Не можем не обратить внимание и на термин $ḥawḡā$ (ломанное мн. ч. $ḥūr^{un}$) 'гурья', сохраненный арабами не только отвлеченно-словарно, но и материально-культурно в исламской религии. Учитывая неразлучимые с ним значения 'женщины' вообще ('белая женщина', 'женщины столичных городов'), равно 'планеты', хотя бы 'планеты Юпитера' и др., а также 'разумения', 'мудрости', нельзя никак исходить при его толковании из 'черноокости', или из соединения 'ослепительной белизны глазных белков с сильной чернотой зрачков', как то толкуется в словарях. Несомненно, мы здесь имеем дело с переживанием отнюдь не завозного, а до-исламского местного в Аравии культового термина, как это теперь выясняется также со словами $ḥurān$ 'Коран' и $ḥurbān$ 'жертва'.

Элемент В: $\text{mar} \sim * \text{man} \dot{\text{t}} \rightarrow \text{man} * [\text{'рука} + \text{женщина} + \text{вода}]$.

1. С учетом $\text{mar} \searrow \text{май} \rightarrow \text{ma}$: нам. та 'давать'.

2. груз. mar-dvna 'правая *рука*', абх. а-май 'ручка' и др. (Н. Марр. Сухум и Туапсе, ИГ'АИМК, IV, стр. 305).

3. man : л. man-us 'рука'.

4. $\nearrow \text{ban}$ '*рука' \rightarrow арм. ban-el 'работать' и т. п.

II и III. На значениях 'женщина', *resp.* 'мать', и 'вода' у этого же слова ma ($\leftarrow \text{mā} \leftarrow \text{mar}$) || va и т. п. мы можем сейчас не останавливаться, на них не раз приходилось сосредоточивать внимание.

Элемент С: $\text{tan} \leftarrow * \dot{\text{tan}}$, *resp.* $* \dot{\text{jan}}$ ($\rightarrow \dot{\text{ja}}$) $\searrow * \text{san} \sim \text{han} \rightarrow \text{an}^1 * [\text{'рука} + \text{женщина} + \text{вода}]$.

1. нам. tan-i 'нести' \rightarrow '*рука', г. tan: i-tan-s 'переносит', mo-i-tana 'принес сюда' и т. п. В армянском tan сошелся с tar (элемент А, см. выше), причем эти две основы распределились между главными группами времен так, что tan , попав в первую их группу, воспринимается по формальному методу за причастное образование с -п, точно основа ta (Н. Марр. Грамматика древне-армянского языка, §§ 243, 245); от 'руки' же 'касаться' у латинян tan+g-ere , с тем же словом в основе, скрещенной из 2-х элементов (СА, ср. in-te+ger 'непочатый').

2. сиб. нам. $\dot{\text{ja}}\text{-}\dot{\text{ja}}$ 'трогать', 'касаться' \leftarrow '*рука'; $\dot{\text{ja}}$ («zâ») 'чувствовать' [\leftarrow '*касаться'] \leftarrow '*рука'; $\dot{\text{ja}}\text{-am}$ («zâ-am») 'начинать', $\dot{\text{ja}}\text{-ams}$ 'начало' \leftarrow '*рука'.

3. спир. an-an-a 'касаться', 'чувствовать' \leftarrow '*рука', отсюда an-an-k в значении и 'сила' в основе грч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\acute{\alpha}\zeta\omega$ 'насилию' и 'необходимость', 'должное' — грч. $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\chi\eta$.

4. С дессибиляцией $\dot{\text{Jan}}$ у грузин (в древне-лит. $\dot{\text{Jan-a}}$) значит и 'около', 'близ', и 'образ', в обоих случаях восходя к значению '*рука'.

II. Спир. an 'женщина' в скрещенном бск. an-deg-e , 'женщина', самостоятельно абх. an 'мать', 'самка'.

И с огласовкой «е» в виде $\dot{\text{Jan}}$ со значением 'женщины' палеонтология вскрыла его в составном слове Средиземноморья, сохраненном греч. $\text{παρ+}\acute{\epsilon}\nu\text{-ος}$ 'девушка', букв. 'дита + женщина'.

Элемент D: ni [\sim по || na] 'должно быть' \leftarrow '*рука', na 'рука' в скрещенном абх. a-na+r 'рука', семантически ср. г. deg 'должное' (\leftarrow '*рука').»¹

¹ Н. Я. Марр. Готтентоты-средиземноморцы, стр. 409—411.

Из этого абзаца мы видим, насколько широко интересовали Н. Я. Марра лексические связи языка нама. Из яфетических языков к сравнению были привлечены баскский, абхазский, грузинский, мегрельский, чанский; из семитических — арабский; из индоевропейских латинский и греческий и межстадиальный армянский язык. Основной вывод, к которому пришел исследователь, это то, что «язык Нама не оказывается вовсе первобытным. Он выявляет собою состояние далеко не тех стадий развития человеческой речи, которые мы могли признать изначальными. Наоборот, для яфетидолога-лингвиста язык нама стоит на очень высокой ступени развития».

Н. Я. Марр не уточняет принадлежность языка нама к определенной языковой системе африканских языков, но вся направленность его выводов говорит за то, что он другими путями, более разносторонними и исторически более обоснованными, чем ряд западноевропейских африканистов, готов определить нама как хамитский язык — положение, которое отстаивается такими крупными лингвистами-африканистами, как Meinhof'ом или видными этнографами и антропологами, напр., Luschan'ом. Но палеонтологический метод Н. Я. Марра, которым он работал, не привел его к формально типологическим выводам этих исследователей о древней миграции готтентотских племен через весь африканский материк из Северной Африки в Южную.

Н. Я. Марр задает вопрос: «не являются ли готтентоты, занимающие обширную полосу в Южной Африке, группой народов, отброшенной от Средиземноморья»,¹ и отвечает на это: «нам достаточно пока принять во внимание, что готтентотский язык (я беру в частности язык Нама) находится в известных взаимоотношениях так наз. родства с языками яфетической системы как Кавказа, так и Пиренеев».²

Непосредственно на материале языков хамитской системы построена вторая работа Н. Я. Марра, посвященная африканским языкам и вышедшая через два года после первой.³

В этой работе Н. Я. Марром затрагиваются не только материалы лексики африканских языков. Из грамматических категорий анализу подвергаются в первую очередь местоименные аффиксы, причем устанавливается чрезвычайная близость их к тем же элементам в яфетических языках, в частности, в грузинском. Весьма показательный итог был дан Н. Я. Марром в следующей таблице.

¹ Н. Я. Марр. Готтентоты-средиземноморцы, стр. 407.

² Там же.

³ Н. Я. Марр. Карфаген и Рим. *Fas et jus*. (Из яфетической Африки — Берберии). Сообщ. ГАИМК, т. II, стр. 372—415.

Местоименные элементы ед. числа.

Каб.	Груз.
Суффиксы в именах:	Суффиксы и префиксы в глаголе:
1 л. — u[‘я’, 1-u род. п.] ‘мой’ собств. ‘de moi’	v-*
2 м. р. -k[‘ты’, 1-k род. п.] ‘твой’ собств. ‘de toi’	q — \ h-(~s-) общего рода **
2 ж. р. -m [‘ты’, 1-m род. п.] ‘твой’, собств. ‘de toi’	—
3 л. -s [‘его’ ‘ее’, 1-s род. п.] ‘son’, собств. ‘de lui’, ‘d’elle’.	-s

* Об эквиваленте этого v в виде u на востоке у эламов, см. определение языков второй категории ахеменидских надписей, 22.

** Сюда же и звонкая разновидность k, именно g, в роли объективного местоименного префикса того же 2-го лица.

«Оговорюсь, сами кабилы -k 2-го лица произносят χ.

Грузинский язык в префиксах утратил разновидности множ. числа, как и берберский в 3-м лице, отличающий множ. ч. лишь придачею окончания мн. ч. -ən (-s-ən, ж. s-ən-t, в род. падеже ən-sən, ж. ən-sən-t). В грузинском нет также разновидности женск. рода для 2-го лица. Однако местоименная основа 2-го лица женск. рода m-, да еще с неутраченной огласовкой ma-, сохранилась в значении лишь 2-го лица в адвербиальном образовании ma-n+d ‘там’ (исключительного близ *второго* лица), и эта основа с функцией префикса, да и вообще самостоятельного местоимения 2-го лица именно женск. рода налицо в разновидности ba- (самостоятельно в форме мн. ч. ba-ga) в абхазском. Также налицо берберские разновидности местоименных аффиксов для множ. числа 1-го и 2-го лица в кругу еще более близких к грузинскому яфетических языков Кавказа, так n (в форме -nağ, что в род. падеже этого суффикса ən-nağ для 1-го лица женск. рода) налицо у сванов в префиксе n-1-го лица множ. числа.¹

Остальная часть работы посвящена сравнительному разбору лексики берберских языков в первую очередь кабийского. Н. Я. Марром затрагиваются самые разнообразные виды лексики. Большое внимание уделяется этническим и топонимическим терминам. В частности разбираются этнический термин ‘бербер’,² топонимические термины ‘Карфаген’,³

¹ Н. Я. Марр. Карфаген и Рим..., стр. 379—384.

² Там же, стр. 385—386, 396—397.

‘Ливия’,¹ ‘Нумидия’.² Далее анализируются названия диких и домашних животных,³ термины родства⁴ и, наконец, римские термины *fas* и *ius*,⁵ разбираемые на огромном сравнительном материале при помощи палеонтологического анализа по четырем элементам.

В сравнительном анализе лексики берберских языков Н. Я. Марром, так же как и в отношении языка нама, было привлечено большое количество разностадиальных языков, в том числе русский и финские,⁶ причем со всей яркостью было вскрыто единство глоттогонического процесса на протяжении огромного территориального пространства.

Из других хамитических языков Н. Я. Марром в отдельных своих работах привлекались материалы уже мертвого древне-египетского языка, что послужило темой отдельной статьи И. Г. Лившица, выходящей в ближайшее время.⁷

Материалов берберских языков и языка нама Н. Я. Марр касался и в целом ряде работ, посвященных языкам других языковых систем. Основную часть этих высказываний и индекс лексического материала африканских языков, использованных в различных работах Н. Я. Марра, предполагается издать в специальной работе справочного характера.

Н. Я. Марр был первым советским исследователем, поставившим в порядок дня изучение живых африканских языков. Их изучение было им сразу поставлено в широком историческом разрезе вне всяких искусственных расово-обособленных рамок так наз. языковых семей. В своей дальнейшей работе Н. Я. Марр поднял изучение языковых фактов на высший этап — изучение языка в непосредственной связи с мышлением, в увязке языковых систем с формами мышления, истории языка с историей мышления, на основе диалектико-материалистического учения о социально-экономических формациях.

Почетное и ответственное дело — продолжение начатых Н. Я. Марром работ по африканским языкам выпадает на Группу африканских языков Института языка и мышления Академии Наук, носящего имя своего основателя.

Ленинград, 16 января 1936 г.

¹ Н. Я. Марр. *Карфаген и Рим...*, стр. 386—388.

² Там же, стр. 388.

³ Там же, стр. 392—395.

⁴ Там же, стр. 413—415.

⁵ Там же, стр. 401—413.

⁶ Там же, стр. 376—377.

⁷ И. Г. Лившиц. *Н. Я. Марр и египтология. Сборник Язык и мышление*, т. VIII, стр. 189—200.

Н. В. ЮШМАНОВ

Фонетические параллели африканских и яфетических языков

Сравнение фонетических систем африканских и яфетических¹ языков обнаруживает поразительные схождения по следующим линиям:

- 1) большое число ступеней озвончения (до четырех в пределах одного языка);
- 2) серийная лабиализация вместе с палатализацией («мягкостью») или веларизацией («твердостью»);
- 3) полный комплект шумно-латеральных согласных;
- 4) богатое развитие аффрикатов и других видов сложных согласных;
- 5) «гортанное усиление» в укладе гласных и некоторых согласных (акустические эффекты, напоминающие арабские ح и ع).

Такие же схождения между фонетическими системами указанных языков, с одной стороны, и американских языков, с другой стороны, открывают нам широкие перспективы возможности разработки стадияльной фонетики как звуковой стороны единого языкотворческого процесса, но это требует точного инструментального исследования специфических (или пока представляющихся специфическими) артикуляций. Иначе работа будет осложняться и сбиваться с правильного пути теми же промахами, что и до сих пор: то мы отождествляем принципиально разные артикуляции и делаем из этого далеко идущие выводы, то мы сомневаемся в тождестве одинаковых артикуляций и не делаем тех выводов, которые можно и должно сделать. Так, до недавнего времени щелкающие звуки южноафриканских языков отождествлялись с известными бесписьменными междометиями европейских языков, и на этой почве создавались многочисленные заманчивые

¹ В этом очерке привлекаются лишь современные яфетические языки Кавказа, в особенности — абхазский, аварский, грузинский, мегрельский, сванский, удинский, чанский, черкесский.

гипотезы, но как только Doke показал существенную разницу между теми и другими звуками, все эти гипотезы отцвели, не дав плода. Или вот — некоторые языковеды проявляют убийственный скептицизм по отношению к сведениям о том, что согласные со смычкой голосовых связок встречаются не в одних только языках Кавказа, но хотя бы и в африканских и в американских, как будто существующие описания не дают возможности отождествлять кавказские звуки с некавказскими.

I

Под названием ступеней озвончения имеются в виду фонематические различия в согласных, осуществляемые различными работами голосовых связок. Ступени озвончения, наблюдаемые в африканских и яфетических языках, таковы:

	Африканские:	Яфетические:
глухие	{ чистые (p, t, k...) { придыхательные (ph, th, kh...) { эктивные (p', t', k'...)	{ «глухие» (p, t, k...) { «звонкие» (b, d, g...) { «средней звонкости» (φ, θ, q...) { «неопределенные» (π, τ, χ...) ¹
звонкие	{ чистые (b, d, g...) { придыхательные (bh, dh, gh...) { эктивные ('b, 'd, 'g...)	

Если голосовые связки широко раскрыты, давая свободный выход выдуваемому воздуху, получаются чистые глухие звуки, как русские *п, т, к*.

Если голосовые связки раскрыты в виде сравнительно узкой щели треугольной формы и выдуваемый воздух, несколько задерживаясь, трется о края связок, получаются придыхательные глухие звуки, которые, в зависимости от большей или меньшей узости щели, могут быть «гуще» (индийский тип *ph, th, kh...*) или «жиже» (германский тип *p^h, t^h, k^h...*), а в зависимости от большей или меньшей плотности губной, resp. язычной смычки могут быть сильными (как приведенные типы) или слабыми (как древнегреческие *φ, θ, χ* или семитские *פ, ת, כ* — тип, весьма склонный к спирантизации: *^ph, ^th, ^kh...*).

Если голосовые связки сильно сближены, выдуваемый воздух, заметно задерживаясь, приводит связки к дрожанию,² т. е. к быстро чередующимся

¹ Африканские звуки передаются новым африканским алфавитом, а яфетические — аналитическим алфавитом Н. Я. Марра. В нужных случаях алфавиты пополнены средствами других транскрипций для тех же языков.

² Дрожание голосовых связок дает голос. При образовании звонких смычных (*b, d, g...*) выход голоса, т. е. озвонченного воздуха, задерживается до варыва смычки и тогда слышится

смыканию и размыканию, получаются чистые звонкие звуки, как русские б, г, д. Довольно энергичная работа голосовых связок при звонких звуках в нормальных случаях компенсируется некоторым ослаблением прочих звукопроизводных работ и таким образом разница между глухими и звонкими звуками является уже двойной, т. е. в нормальных случаях избыточной; поэтому частичное или полное выключение голоса не обязательно превращает «звонкие» в «глухие» (значит, нормальные фонемы b, d, g... в нормальные же фонемы p, t, k:..), но может дать промежуточный тип «слабых глухих» (ḅ, ḍ, g̣... у одних авторов; b̂, d̂, ĝ... у других; B, D, G... у третьих), тогда как частичное или полное включение голоса при сохранении прочих звукопроизводных работ неослабленными не обязательно превращает нормальные фонемы p, t, k... в нормальные фонемы b, d, g..., но может дать промежуточный тип «сильных звонких» (p̣, ṭ, ḳ..., где... — сокращение латинского vox 'голос').

Если голосовые связки плотно сомкнуты и напор выдуваемого воздуха взрывает смычку с отрывистым шумом,¹ получаются глухие эктивные или, как их называют у нас, смычно-гортанные звуки, причем этот гортанный взрыв может предшествовать ртовому взрыву ('p, 't, 'k...) или происходить одновременно (ṗ, ṭ, ḱ...) или же следовать за ртовым взрывом (p', t', k'...). До совершения гортанного взрыва воздух из легких вовсе не поступает в рот и поэтому взрыв ртовой смычки производится быстрым выбрасыванием (латинское ejection) того воздуха, который до сих пор находился во рту, и это придает звуку характерную резкость, как при сплевывании; однако эта резкость может быть еще усилена и доведена до шелкающего эффекта (p!, t!, k!... в транскрипции Американской антропологической ассоциации).

Кроме таких целостных работ голосовых связок бывают и разностные, где положение голосовой щели (в узком смысле слова) одно, а положение хрящевой щели другое. Если голосовая щель в дрожании, а хрящевая щель открыта в виде треугольничка, получается одновременное соединение голоса и придыхания в звонкое придыхание (ɦ — украинское ʔ), которое может сопровождать ртвые работы; так образуются придыхательные звонкие (bɦ, dɦ, gɦ...), которые встречаются гораздо реже,

в виде неопределенного гласного низкого тембра (у немецких фонетиков — «Blählaut», у древних арабских филологов — «qalqala»).

¹ «Гортанный взрыв»; английское «glottal stop»; арабское «hamza»; датское «Stød»; немецкое «Kehlverschluss, Stimmbänderverschluss»; французское «coup de glotte, attaque vocale brusque». Встречается и как самостоятельная фонема (ʔ), например, как равноправная составная часть семитского корня.

чем глухие; наблюдаемая кое-где спирализация звонких смычных (b, d, g → v, ð, γ) вовсе не предполагает наличия в прошлом придыхательных звонких, так как смычка при b, d, g вообще слабее, чем при p, t, k. Если голосовая щель закрыта, а хрящевая щель открыта, получается шопот, который обычно используется как замена голоса (по-русски неударенные гласные между глухими согласными выполняются обычно шопотом, например: *патока* = |pa_xta_xkə, где крестиком, по способу Л. В. Щербы, отмечена шопотность).

Вопрос о звонких эквивалентах эктивных звуков еще далек от полной ясности и требует многих дополнительных инструментальных наблюдений. Первое, что приходит в голову при чтении о звонких эктивных, это — противоречие между необходимостью смычки голосовых связок для образования эктивных и необходимостью дрожания голосовых связок для звонкости звука. Здесь приходится напомнить один факт, ускользающий обычно от внимания фонетиков — наличие в некоторых языках звонкого гортанного взрыва. Раз голосовые связки могут образовать: глухой смычный'; глухой и звонкий щельные (спиранты, фрикативы) h ↔ ḥ; звонкий дрожащий (вибрент), именуемый голосом ...; своеобразный боковой (латеральный), именуемый шопотом ..._x, итого по крайней мере пять простых звуковых работ, то нетрудно комбинировать из них сложные работы, аналогичные аффрикатам, и можно ожидать такие: 'h, 'ḥ, 'v, 'x. При этом разумеется, что начало подобных аффрикатов будет всегда глухим, а конец в двух случаях звонким, вроде хотя бы севернокитайских аффрикатов, которые по-русски принято передавать посредством *цз, чж* или, например, одного аффриката суахели *tʃ̣* (по Meinhof'у). Если сочетать в одновременном исполнении один из звонких гортанных аффрикатов с какой-нибудь ртовой работой, получится эффект, способный служить звонким эквивалентом эктивных звуков (повидимому, в африканских языках употребляется в таких случаях именно 'x, т. е. своего рода гортанное tr, глухой смычный + звонкий дрожащий). Таким образом возникают 'b, 'd, 'g... Однако в некоторых африканских языках как факультативный вариант, а в некоторых как стандарт, распространен другой тип звонких смычных, названный импловивным.¹ При образовании этого типа, одновременно со ртовой смычкой происходит значительное опущение гортани, отчего «старый» воздух в замкнутом пространстве разрежается, сближенные голосовые связки дрожат,

¹ Это — импловивные по D. Jones'у, а не привычные нам импловивные по E. Sievers'у, которые являются смычными без взрыва (по Johnes'у «incomplete plosives»; по Jespersen'у «non-exploded stops»); последние транскрибируются p, t, k.

ударяясь о столб «старого» воздуха и отталкивая «новый» воздух, поступающий из легких; ртовая смычка не взрывается (как то у обычных — эксплозивных смычных), а ликвидируется всасывающим движением смыкающихся органов, причем в полость рта врывается воздух из атмосферы. Для овладения этими звуками предлагают¹ исходить из обычных для европейских языков сочетаний с фаукальным выходом *b̥m*, *d̥n* (как по-русски в словах *обман*, *дно*) и научиться изолировать такие отдельно неупотребительные *b̥-*, *d̥-*; затем соединять с этими *b̥-*, *d̥-* непосредственно следующий гласный -а, тогда, так как ни при *b̥-*, *d̥-*, ни при -а нет опущения нёбной занавески, значит, проход в носовые полости закрыт, воздух при *b̥-*, *d̥-* должен неизбежно переключиться в другую открытую полость — в зев и оттуда в гортань.

До сих пор речь шла о смычных согласных, но ступени озвончения разделяются также аффрикатами и щельными как в африканских, так и в кавказских языках. Здесь любопытно отметить только эктивные щельные: ведь щельные звуки — длительны, а не мгновенны, им нужен сплошной ток выдыхаемого воздуха (самое название «спирант» от латинского *spirare* 'дышать'). Но противоречие и здесь не так безнадежно: если мы в эктивном аффрикате уничтожим ртовую смычку, гортанная смычка останется и воздуха в рот не пропустит до тех пор, пока не будет взорвана; вместе с тем ртовая установка на нужный нам щельный звук не будет долго ждать и осуществит звук посредством экции воздуха, находившегося в полости рта:

pf' 'bv ts' 'dz tʃ' 'dʒ 'dy kx' 'gɣ →
f' 'v s' 'z ʃ' 'ʒ 'y x' 'ɣ.

Придыхательные аффрикаты вполне обычны и в африканских и в яфетических языках, но придыхательные щельные, повидимому, редкая категория и для африканских и для яфетических языков.

Что касается ступеней озвончения в яфетических языках, наиболее распространенными являются три ступени: «глухие», «звонкие» и «средней звонкости», значительно реже встречается ступень «неопределенных». Здесь еще очень много неисследованного² и пока приходится ограничиваться при-

¹ С. М. Доке. *A comparative study in Shona phonetics*. Johannesburg, 1931, стр. 50.

² Р. О. Шор. К вопросу о консонантизме яфетических языков Сев. Кавказа («Культура и письменность Востока», V, стр. 104—110).

близительностью там, где давно должна бы царить точность. Обычно под названием «глухих» понимаются эквивалентные глухие согласные, изображаемые в аналитическом алфавите простыми латинскими буквами *p, t, k*; под названием «звонких» — чистые звонкие согласные, изображаемые тоже простыми латинскими буквами *b, d, g*; под названием «средней звонкости» — придыхательные глухие, изображаемые буквами *φ, θ, q* (первые две в древнегреческом значении, последняя же выбрана вместо ожидаемого, но неудобного для насадки диакритических значков, древнегреческого *χ*). «Неопределенные» не имеют ни твердо установленного названия, ни твердо установленной транскрипции; это — чистые глухие согласные, происходящие, по исследованию В. И. Абаева, из дезаспирации придыхательных (либо в контакте с предыдущим щельным, например *σφ* → *σπ*, либо в состоянии геминации, например *ϕ̣̣* → *π̣̣*), а также из оглушения звонких геминатов, например *β̣̣* → *π̣̣*, что напоминает аналогичные явления африканской фонетики.¹ В некоторых дагестанских языках соответствующая ступень согласных встречается только в усиленном (геминированном) состоянии; так, в кубачинском, по транскрипции Л. И. Жиркова:² *pp, tt, kk, qq, ss, šš, xx, χχ, cc, čč, kkw, qqw, xχw, χχw* (все они — фонемы, а вообще в кубачинском 53 согласных фонемы).

Физическое исполнение одной и той же ступени озвончения весьма различно от языка к языку и от диалекта к диалекту. Так, первая ступень (*p, t, k*) исполняется одними как эквивалентные глухие со щелкающим эффектом, другими без этого эффекта, третьими как сильные звонкие (может быть, эквивалентные или импловзивные).³ Вторая ступень у одних — действительно звонкие, у других — слабые глухие. Третья и неопределенная ступени, по видимому, мало или совсем не варьируются.

Распределение ступеней озвончения по отдельным языкам весьма разнообразно. Почти в каждом африканском и в каждом яфетическом языке есть некоторое ядро симметричного распределения и ряд обособленных фонем, как будто обломков старого или зародышей нового. Приведем как пример из африканских языков консонантизм зулу (см. таблицу).

¹ В. И. Абаев. Четыре ряда смычных согласных в осетинском («Иzv. Осет. инст. краев.», II, 1926, стр. 475—480). A. Klingenberg. Stimmtönverlust bei Geminaten. (Festschrift Meinhof, стр. 134—145).

² Л. Жирков. Язык аула Кубачи (Ученые записки Института народов Востока, I, 258).

³ Гортанный взрыв может подменяться другими работами голосовых связок — их неполной смычкой и, в дальнейшем, дрожанием (см. O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik.² Leipzig, 1913, стр. 80, сноска 1; W. Simon в Heere's «Lautzeichen». Berlin, 1928, стр. 108, сноска 3).

	1	2	3	4	5	6	7	8
1							k	
2	ph		th				kh	
3	p'		t'				k'	
4	b		d				g	
5	'b							
6	m		n			ny	ŋ	
7				tʃ				
8			ts'	tʃ'	k ɬ'		kx'	
9		mpf'	nts'	ntʃ'				
10		mbv	ndz	ndʒ	nd ɟ			
11			c	q	x			
12			ch	qh	xh			
13			gc	gq	gx			
14			nc	nq	nx			
15		f	s	ʃ	ɬ		[x]	h
16		v	z	ʒ	ɟ			fi
17				[r]	l			
18	w					y		

В этой таблице горизонталь дает 8 делений по месту образования: 1) губно-губные, 2) губно-зубные, 3) зубные, 4) преднёбные,¹ 5) щечные, 6) нёбные, 7) занёбные, 8) гортанные. Вертикаль дает 18 делений по способу образования: 1) чистый глухой смычный, 2) придыхательные глухие смычные, 3) эктивные глухие смычные, 4) слабые глухие (в начале слова), они же чистые звонкие смычные (в ином положении), 5) импловивный звонкий смычный (пишут также b), 6) носовые смычные, 7) чистый глухой аффрикат, 8) эктивные глухие аффрикаты, 9) полуносовые эктивные аффрикаты, 10) полуносовые звонкие аффрикаты; 11) — 14) щелкающие звуки, т. е. двусмычные всасывающего размыкания, причем 11) чистые глухие, 12) придыхательные глухие, 13) чистые звонкие, 14) носовые, 15) глухие щельные, 16) звонкие щельные, 17) плавные, 18) полугласные.

¹ Но q, qh, gq, nq — с заворотом кончика языка (ретрофлексные, церебральные).

В виду большой трудности составления таблицы для столь богатого консонантизма мне пришлось допустить одно «колумбово яйцо» — спланировать шумно-латеральные согласные по месту, а не по способу образования, именно как «щечные»; впрочем у этих специфических звуков и место и способ образования специфичны. Звук г встречается только в заимствованиях; знак х, заключенный в квадратные скобки, выражает диалектальную разновидность һ и, несмотря на одинаковое написание, не имеет ничего общего со щелкающим звуком х.

Для примера яфетических языков с богатым консонантизмом возьмем чехословацкий (нижнечеркесский) по Н. Ф. Яковлеву; см. таблицу.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	φ		θ						q	q̣		
2	p		t						k			ʃ
3	b		d						g			
4	m		n									
5			ʃ̣		θ̣	θ̣						
6			ṭ		ṭ	ṭ						
7			ɖ̣			ɖ̣						
8		f	s	s _m	ш	щ	h		ʁ	q̣	h	h
9		f̣		s _m			ḥ					
10		v	z	ʒ	ʒ	ʒ	l		γ	g̣		
11					r							
12	w							y				
13									q̣	q̣		
14	p̣		ṭ						ḳ			ʃ̣
15									g̣			
16				ʃ̣ _{no}								
17				ṭ _{no}								
18				ɖ̣ _{no}								
19				s _{no}					ʁ̣	q̣		
20				s _{no}								
21				ʒ̣						g̣ _{no}		

Горизонталь таблицы показывает 12 мест образования: 1) губно-губные, 2) губно-зубные, 3) зубные, 4) то же, оттянутые, 5) преднёбные, 6) то же, «мягкие», 7) щечные, 8) нёбные, 9) занёбные, 10) язычковые, 11) зевный, 12) связочные. Вертикаль показывает 21 деление по способу образования; здесь прежде всего отметим противопоставление согласных с губным округлением (лабиализованных) 13—21 прочим 1—12 (кроме w, которое круглогубо, но не имеет контраста); смычными являются 1—4 и 13—15, африкатами 5—7 и 16—18; щельными являются 8—10 и 19—21; заметим, что r стоит как плавный (№ 11) одиноко, так как l здесь шумное (= африканскому ɮ). По ступеням озвончения имеем придыхательные (и чистые щельные) 1, 5, 8, 13, 16 и 19; эктивные 2, 6, 9, 14, 17 и 20; звонкие 3, 4, 7, 10—12, 15, 18 и 21. Используемый здесь аналитический алфавит содержит добавки Н. Ф. Яковлева для звуков, встречающихся далеко не во всех яфетических языках.

Как было сказано раньше, самой редкой ступенью озвончения являются придыхательные звонкие; из африканских языков можно их показать в тонга: bh, dh, gh, mh. В яфетических они неизвестны.

Характерной особенностью очень многих фонетических систем Африки является изобилие полуносовых согласных, которые начинаются с носовым резонансом, а кончаются без него: mb, nd, nḍ, nj, ng... Они могут быть звонкими и глухими, смычными и щельными, разумеется, также африкатами (см. выше таблицу консонантизма зулу). Назвать эти полуносовые согласные особой ступенью озвончения нельзя — дело тут не в работе голосовых связок. Однако нельзя отрицать и того, что полуносовые согласные играют роль, аналогичную ступеням озвончения — различают разные слова, образуют симметрические ряды, участвуют в закономерных чередованиях с соответствующими неносовыми. О возможном наличии такого же явления в прошлом яфетических языков будет речь дальше. Пока же отметим, что звонкие смычные b, d, g в некоторых языках сохраняются только в сочетании с предыдущим однородным носовым; так дело обстоит и в языках Пиренейского полуострова (звук b только в группе mb, иначе = v) и в новогреческом, где звуки b, d, g иностранных слов транскрибируются систематически посредством $\mu\pi$, $\nu\tau$, $\gamma\chi$ (т. е. mb, nd, ng).

II

Лабализация распространена одинаково интенсивно и в Африке и на Кавказе, образуя в отдельных языках и группах языков цельные ряды согласных, параллельных прочим (нелабиализованным) и фонематически от

них отличных. В новом африканском алфавите лабиализация выражается прибавлением к нужной букве дополнительного w; таким образом имеем: pw, bw, mw, fw, vw; tw, dw, nw, lw, rw; tsw, dzw, sw, zw; tʃw, dʒw, ʃw, ʒw; kw, gw, ŋw, xw, ɣw; hw. Так как лабиализация не ограничивается одним только округлением губ, но и сообщает основному звуку¹ также подъем зада языка (как при w, u, o) или середины языка (как при \ddot{w} , \ddot{i} , \ddot{o}), то лабиализованные согласные делятся на лабио-веляризованные и лабио-палатализованные, но фонематическое противоположение тех и других в системе одного и того же языка бывает редко, разве лишь при наличии противоположения между палатализованными и непалатализованными в области нелабиализованных согласных. Обычно же в одном языке только лабио-веляризация, а в другом лабио-палатализация (так, например, в группе суточуана). Лабиализация приводит основной звук к различным перерождениям; например, в группе шона $bw \rightarrow b\gamma \rightarrow bg$, $tw \rightarrow txw \rightarrow tkw$, $sw \rightarrow sxw \rightarrow skw$ и т. д., т. е. зад языка, приподнятый в силу лабио-веляризации, поднимается еще выше и, образуя сравнительно узкую щель с мягким нёбом, возбуждает трение $x \parallel \gamma$, а при дальнейшем подъеме образует смычку с мягким нёбом, давая $k \parallel g \parallel \eta$. Другое перерождение лабиализованных согласных — возбуждение трения между нижней губой и верхними зубами (т. е. по существу $w \rightarrow v$); такова лабио-дентализация, т. е. снабжение губно-зубным трением, в чуана и гӀа (в практической графике ʃw, tʃw, dʒw).

Классический семитский язык Абиссинии — эфиопский имел только 4 лабиализованных согласных kw, kw', gw, xw. Современный государственный язык Абиссинии — амхарский имеет их 20: bw, mw, fw; tw, tw', dw, nw, lw, rw, sw, zw, tʃw, tʃw', dʒw, ʃw; yw; kw, kw', gw; hw. Однако новые лабиализованные встречаются только перед гласным а (= ā), следовательно, являются фонемами минимальной самостоятельности (различают ba : bwa, но не be : bwe, bi : bwi и т. д.)

В аналитическом алфавите Н. Я. Марра лабиализация выражается кружком, который ставится на месте завершения рукописной буквы (для \ddot{d} имеется в виду написание \ddot{d} , а не d). Приведем для примера лабиализованные согласные абхазского языка, написанные аналитическим алфавитом:

ṭ	ḳ	ḍ	g̣	ʃ̣	q̣	ш̣	р̣
ṭ̣	ḳ̣	ḍ̣	g̣̣	ʃ̣̣	q̣̣	ш̣̣	р̣̣
							ḥ̣
							у̣̣

¹ Если основной звук не образуется вообще подъемом зада или середины языка. Так, в звуках k, g, ŋ, x, ɣ зад языка поднят в силу основной артикуляции этих заднеязычных (занёбных, велярных) звуков.

Однако на практике *t*, *d*, *ʒ* являются губными дрожащими (правда, одноударными — flapped consonants); звуки *h*, *w* одновременно зевные (*h*, *ɛ* = арабским *ح*, *ع*), нёбные (как немецкие *ich-Laut* и *j*) и губные (типа *w*), т. е. в своей совокупности они губно-нёбленные зевные (лабио-палатализованные фарингальные); звуки *t*, *d*, *ʒ* лабио-дентализованы, т. е. лабиализация у них выражается в трении между верхними зубами и нижней губой.

Само собой разумеется, что добавочный знак лабиализации (-*w*, -*ɥ*, -^o.....), выражая сам по себе звонкий звук, не выражает никакой звонкости, когда находится в составе изображения глухих лабиализованных (*tw*, *tɥ*, *t^o*...).

III

Шумно-латеральные согласные, которые на слух столь сильно отличаются от обычного сонорного *l*, что фонетически неподготовленный наблюдатель не находит в них ничего общего с *l*, встречаются в Африке преимущественно в южных группах языков банту, а на Кавказе у горцев. Эти согласные могут быть смычными, африкатами и щельными, проходя все степени озвончения. В новом африканском алфавите предусмотрены знаки лишь для щельных — глухого *ɬ* и звонкого *ɮ* (первый знак — дальнейшее развитие *l*, служащего для обозначения глухого эквивалента сонорному *l*, например, во французском *peuple* [pœpl^ɬ]); второй знак — лигатура из *l* и *ʒ*); для смычных и африкатов, разница между которыми — в выдержке, применяются комбинаты *dl*, *tl*, *ndl*, *ntl* (причем под *l* разумеется не сонорный, а шумный звук); для щелкающего латерального принято традиционное правописание *x* (например, в названии народа и языка *Xosa*, точнее *Xhosa*), что совпадает со знаком *x* в его русском значении, принятым тем же новым африканским алфавитом для других языков. В транскрипции С. Meinhof'a для шумно-латеральных принят диакритический значок — тильда под буквой *t*, *d*, *n*, *s*, *z*.¹ Обозначение шумно-латеральных в аналитическом алфавите еще не установилось; одни пишут *h*, *ɥ* (т. е. лигатуру из комбината *hl*, служащего в зулу правописанием обозначением для звука *ɬ*; *h* лигирует комбинат *thl*), другие пишут *ɬ*, *t̃* (т. е., прибавляя в качестве лигированного диакритического значка рукописное *l*). Чешский знак *ř* для шумного дрожащего, исторически соот-

¹ Оба последних представлены, следовательно, как *s̃*, *z̃*; ср. транскрипцию аварского числительного *ɬabgo* 'три' как *слябю* у А. В. Старчевского. Карманный стоязычный словарь. СПб., 1877.

ветствующего польскому *vz*, наводит на мысль о возможности использовать для шумно-латеральных знаки вроде *ʃ*. Шумно-латеральные согласные представляют остаток глубокой старины и в большинстве языков сменились другими звуками — свистящими или шипящими щельными в одних языках, сонорным *l* в других; например, грузинским *asul* 'дочь', *tili* 'вошь', *qveli* 'кашель' соответствуют сванские *aswɨ* || *aswɨ*ш, *tiɨ*ш, *qʷəiɨ*ш.¹

IV

Аффрикаты и другие сложные согласные известны в изобилии и в африканских и в яфетических языках. Однако до сих пор терминология и транскрипция сложных согласных не установились в единую систему. В африканских языках можно наблюдать:

А. Сложные согласные единовременного включения работ:

- 1) двусмычные (би-окклюзивы), как *kp*, *gb*, *ɲm*... *tk*, *dg*, *ɲɲ*...
- 2) двуслитные (би-аффрикаты), как **tskx*, **tʃkx*... (потенциально в шелкающих звуках);
- 3) двуцельные (би-фрикативы), как *fs*, *vz*, *fʃ*, *vʒ*... *sx*, *zɣ*, *ʃx*, *ʒɣ*...
- 4) смычно-слитные (окклюдоз-аффрикаты), как *tʃk*, *dʒg*... *tsk*, *dʒg*...
- 5) смычно-щельные (окклюдоз-фрикативы), как *ps*, *bz*, *pʃ*, *bʒ*...
- 6) слитно-щельные (аффрикативы), как *tsx*, *dʒɣ*, *tʃx*, *dʒɣ*...

Б. Сложные согласные разновременного включения работ:

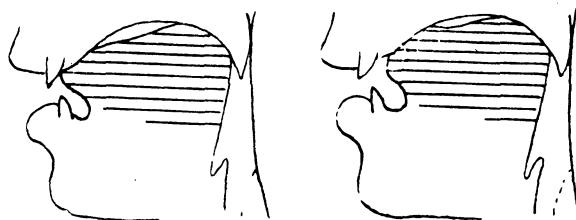
- 1) слитные (аффрикаты), как *pf*, *bv*, *ts*, *dz*, *tʃ*, *dʒ*, *kx*...
- 2) полуносовые: а) смычные, как *mb*, *nd*, *ɲg*... *mp*, *nt*, *ɲk*...
б) слитные, как *mbv*, *ndz*... *mpf*, *nts*...
в) щельные, как *mʷ*, *nʷ*, *pʷ*, *ɲʷ*...

Предполагается, что каждый из приведенных сложных — цельная фонема и воспринимается туземцем как один звук (несмотря на многозначное написание). При этом ясно, что звуки группы Б имеют неодинаковое начало и конец в силу последовательного включения одной работы после другой, хотя и без всякой паузы, но звуки группы А неодинаковы с начала до конца по другой причине — обе работы включаются единовременно, но

¹ И. И. Мещанинов. Пособие к пользованию яфетидологическими работами. Л., 1931, стр. 20.

производятся удаленными друг от друга органами, а кроме того в некоторых случаях и самые работы разномоментны (одна мгновенна, другая длительна); поэтому даже при одновременном взрыве двусмычного tk волна t опередит волну -k, а смычно-щельное rʃ при одновременном начале смычки r- и сужения щели -ʃ будут отличаться от сочетания ʃr первенством волны r- (ближе к выходу; мгновенное исполнение) над волной -ʃ (дальше от выхода; длительное исполнение).¹

Как видно из приведенных примеров, новый африканский алфавит выражает сложные согласные отдельными знаками их слагаемых, следуя в этом отношении Международной фонетической ассоциации, которая допускает в крайнем случае лигатуры из комбинатов (т. е. более тесно сплочен-

Зезуру tkw.

Зезуру tʃk.

ные ts, dz, tʃ, dʒ...), но не допускает выражения сложных согласных монотипами (вроде с, з, љ, ѝ в системе Л. В. Щербы). Лишь в одном случае делается изъятие из общего правила: если в данном языке нет нёбных (палатальных) смычных, то их знаки (с, ʃ) могут быть использованы для выражения шипящих аффрикатов. Система С. Meinhof'a в общем выражает сложные согласные тоже отдельными знаками слагаемых, но допускает монотип $c=ts$ и диакритические изображения $\acute{c}=t\acute{s}$, $\check{j}=d\check{z}$, $\acute{p}=kp$, $\acute{b}=gb$, $\acute{m}=im$; для dz монотипа нет, и А. Klingenberg предложил для этой цели j , исходя из пропорции $c:\acute{c}=j:\check{j}$. В системе «Anthropos» аффрикаты выражаются единообразно: \acute{p} , \acute{b} , \acute{t} , \acute{d} , \acute{c} , \check{j} , \check{k} , \check{g} (в смысле pf , bv , ts , dz , $c\acute{s}$, $j\check{z}$, kx , $g\check{y}$); однако тот же диакритический значок на \acute{s} , \acute{z} (русские ш, ж) не выражает аффрикации.

• В яфетических языках из сложных согласных наблюдаются только аффрикаты, хотя есть много следов когда-то изобиловавших сложных со-

¹ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 147. Автор наблюдает одновременное включение у польских $b+\acute{z}$, $p+\acute{s}$ (правописные brz , prz) и нечто вроде такого же произношения правописного ks в $księże$, а также одновременное включение у сербского $p+l$.

гласных других типов. Аналитический алфавит выражает аффрикаты обязательно одним знаком, сложением из основной буквы и диакритического знака аффрикации; точка над буквой изображает *s* для переднеязычных, *h* для заднеязычных, точка под буквой — *ш* для переднеязычных, *ʃ* для заднеязычных, птичка над буквой — *z* для переднеязычных, *ʒ* для заднеязычных, птичка под буквой — *j* (= *ж*) для переднеязычных, *y* (= *й*) для заднеязычных; таким образом складываются знаки:

$$\left\{ \begin{array}{l} \dot{t}, k - \ddot{d}, \dot{g} - \dot{s}, \dot{q} = \underline{ts}, *kh - \underline{dz}, *g\dot{y} - \underline{ʒs}, *qh \\ \dot{t}, k - \dot{d}, \dot{g} - \dot{s}, \dot{q} = \underline{tш}, *k\underline{ʃ} - \underline{dj}, *g\underline{y} - \underline{ʒш}, *q\underline{ʃ} \end{array} \right\}$$

Этот способ обозначения является не описательно-физиологическим, как подавляющее большинство существующих транскрипций, а историко-идеологическим. Последний способ не остается без примеров и на Западе; возьмем хотя бы транскрипционный знак *ǰ* (= *дж*), который употребляется на ряду с *č* (= *ч*) и отражает определенную историческую концепцию — происхождение современного шипящего аффриката из древнего или праязыкового занёбного (велярного) смычного *g*; следовательно, не имеет ничего общего с описательно-физиологическим способом обозначения звуков. Равным образом, когда западные семитологи (немцы, французы, англичане и др.) записывают арабские говоры, они пользуются зачастую знаками *ǰ* и *q* для звуков *ǰ* и *q*; здесь тоже проявляется определенная историческая концепция (пишут не так, как теперь произносится, а как, предполагается, произносили раньше). В аналитическом алфавите звуки, которые по способу Международной фонетической ассоциации можно обозначить [*χ*’, *в*, *χ*] и [*q*’, *ɑ*, *q*’], трактуются как аффрикаты, причем первый ряд называется «длительными аффрикатами», а второй ряд «прерывистыми аффрикатами»; в этих названиях уже есть указание на современное произношение первого ряда без предыдущей смычки, а потому длительное, и второго ряда — без последующего щельного, а потому мгновенное или прерывистое. Но ведь «аффрикат» с эпитетом «длительный» или «прерывистый» является противоречием? Да, но такими противоречиями полна вся фонетика. Можно ли отрицать, что звуки типа *l* или оба английских *th* или, наконец, губно-зубные *f*, *v* имеют смычку? Однако никто не называет их «смычными», так как они длительны. К тому же уже вполне утвердился в фонетике термин «аффрицированный смычный», а это и есть, говоря иными словами, «прерывистый аффрикат». Вспомним и то обстоятельство, что старые английские фонетисты делали строгое различие между щельными, свободными от частичного осмыч-

нения (open consonants, как s, z, ʃ, ʒ, h), и щельными с частичным осмыслением (divided consonants, как f, v, θ, ð, l); вот этот-то последний разряд и может быть назван «африцированными щельными» или, если угодно, «длительными аффрикатами» (только l причислено сюда формально и, не имея трения, не должно называться ни «фрикативом», ни «аффрикатом»). Между прочим испанское θ^s (в *cicisbeo*, *zapata*) принадлежит к первому разряду, а английские, арабские и новогреческие θ, ð — к последнему разряду (акустически «более густому»). Таким образом, с описательно-физиологической стороны «длительные аффрикаты» k, ǵ, q и «прерывистые аффрикаты» ḳ, ǵ̣, q̣ оказываются заднеязычными эквивалентами не представленных в яфетических языках переднеязычных — междузубных щельных (со смычкой!) θ, ð и заворотных (ретрофлексных, церебральных) смычных ṭ, ḍ (с их неизбежным шипящим отступом); только образование яфетических заднеязычных аффрикат(оид)ов происходит между задом языка и язычком — органами, не дающими ни хорошей щели без частичного осмысления, ни хорошей смычки без частичного ощеления, а дающими лишь африцированные щельные и такие же смычные.¹

Что касается историко-идеологического способа обозначения, о котором говорилось выше, его следует учесть для выяснения несоответствия между звучанием упомянутых заднеязычных аффрикатоидов современного Кавказа и теоретическим сложением их из смычных k, g, q и считающихся щельными h, γ, ʃ, y. В самом деле, настоящий аффрикат мы получили бы только из g+γ, тогда как придыхательное q и эктивное k несколько не изменились бы в сложениях q+h и k+ʃ; эктивное k и придыхательное q стали бы обычным русским к в сложениях k+h и q+ʃ, так как придыхание h и гортанный взрыв ʃ друг друга уничтожают, а сложение g+y дало бы палатализованное (или даже палатальное) g;² к тому же гортанный взрыв ʃ не щельный, а смычный, и совсем другого органа, чем приданный ему звон-

¹ Частичное осмысление щельных язычкового района выражается в ударах язычка о зад языка (хотя бы дело и не доходило до настоящего раскатистого язычкового дрожющего [R], которое сонорно; тогда как щельные [χ, ɣ] шумны). При этом эктивное [χ'] образуется с одним ударом язычка — на другие нет времени.

² Так и понимают некоторые (напр. Б. Гранде в сб. «ВЦКНА — Н. Я. Марру», М. 1936, стр. 61), но сам Н. Я. Марр считал ǵ и ǵ̣ разновидностями язычкового ɣ: «Непоследовательность в транскрипции ɣ то через ǵ (табл. I), то через ǵ̣ (табл. III) результат того, что пока не установлено, не ясно и для меня окончательно, который из двух существовавших первоначально ǵ (< ǵ̣) и ǵ̣ (< ǵ̣) представлен в наличном грузинском ɣ, хотя я и склоняюсь в пользу понимания его как ǵ» (Н. Я. Марр. Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка. Спб., 1908, стр. 10). Впоследствии груз. ɣ стало передаваться как ǵ̣, знак же ǵ давался с пометкой «не сохранился» (Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, табл. III).

кий эквивалент y ($= \dot{y}$). Но h , γ , ρ , y символизируются осложнителями , , , не в качестве звуков, а в качестве понятий длительности (h , γ) и прерывистости (ρ , y); нужно только добавить, что самое начертание y в данном случае является, повидимому, попыткой латинизации весьма странного знака так наз. академической транскрипции 1888 г. — y для звонкого гортанного взрыва.

Независимо от того, происходят ли оба ряда аффрикатоидов из одного прежнего ряда настоящих аффрикатов [$*q\chi'$, gw , $q\chi'$] или же оба ряда имеют свои особые источники, можно не сомневаться, что первый ряд вышел из этих аффрикатов, так как эктивные щельные могут быть только редукцией эктивных аффрикатов,¹ а среди этого ряда имеем эктивный щельный $k[\chi']$, что при общем параллелизме рядов яфетического консонантизма позволяет восстановить аффрикаты и в качестве предков звонкого щельного $g[\chi]$ и придыхательного (?) щельного $q[\chi]$. Относительно второго ряда можно сделать такое же заключение опять-таки на основании упомянутого параллелизма: наличие точно противопоставленных друг другу свистящего и шипящего рядов в области переднеязычной части консонантизма позволяет ожидать раздвоения подобного рода и в области заднеязычной. В качестве типологического подкрепления этой мысли можно привлечь семитский консонантизм с его трехступенной структурой (глухой — звонкий — эмфатический) и с богато разросшимися двумя главными областями — переднеязычной и заднеязычно-гортанной:

$$\begin{array}{c}
 T \left\{ \begin{array}{l} \text{ت } t \quad \text{د } d \quad \text{ط } t \\ \text{ث } t \quad \text{ذ } d \quad \text{ظ } t \\ \text{س } s \quad \text{ز } z \quad \text{ص } s \end{array} \right\} \quad \begin{array}{l} \text{أ } A \\ \text{إ } I \\ \text{و } U \end{array} \quad \left\{ \begin{array}{l} \text{ك } k \quad \text{ع } g \quad \text{ق } q \\ \text{ح } h \quad \text{غ } g \quad \text{خ } h \\ \text{ح } h \quad \text{ع } c \quad \text{ح } h \end{array} \right\} K \\
 \\
 R \left\{ \begin{array}{l} \text{ش } s' \quad \text{ل } l \quad \text{ض } s' \\ \text{ش } s \quad \text{ر } r \quad \text{—} \\ \text{ن } n \\ \text{م } m \\ \text{ف } p \quad \text{ب } b \quad \text{پ } p \end{array} \right\} P
 \end{array}$$

Правда, параллелизм между областями T и K нарушается экстенсивным развитием последней при интенсивном развитии первой, но в яфетиче-

¹ Этого мнения придерживается и А. Klingenberg. Die Silbenauslautgesetze des Hausa (Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen, XVIII, 276) в отношении факультативных вариантов той же фонемы хауса $ts' \parallel s'$, считая ts' более древним, чем s' .

ских языках развитие консонантизма равномернее. Противопоставление обоих рядов яфетических аффрикатоидов могло заключаться в редукции смычки у первого ряда [^aχ', ^gв, ^aχ''] и в редукции щельного элемента у второго ряда [^aq'x, ^gx, ^aq'x]. В общем развитие рядов и в семитских и в яфетических языках идет в направлениях максимального сжатия и максимального разжатия консонантной преграды, но переднеязычная область дает больше возможностей для дифференциации звукопроизводной работы, чем заднеязычная, члены которой принуждены дифференцироваться по-иному (а губная область и того меньше).

Что касается пережитков двусмычных и подобных им артикуляций в яфетических языках, упомянем свойственные кáртской группе этих языков гармонические сочетания переднеязычного с заднеязычным со строгим взаимным соответствием в ступени озвончения и в способе образования: tk, dg, ʒq — tk, dğ, ʒq — tk, dğ, ʒq. Относительно способа образования этих заднеязычных говорилось уже достаточно: аффрикатоиды k, ġ, q сменили прежние аффрикаты, что явственно видно из гармоничности сочетаний; конечно, на предыдущем этапе развития здесь должны были иметь место настоящие аффрикаты, что аналитический алфавит и выражает. Вопрос лишь в том, почему среди этих сочетаний не фигурируют k, ġ, q (иными словами, почему нет tk, dğ, ʒq), а также почему нет подобных сочетаний из щельных (sh, zγ — шf, jγ). Для ответа на эти вопросы нужно рассмотреть некоторые особенности трактовки звуко сочетаний в кáртских языках и особенности сложных согласных в группе шона (языки банту), которая славится исключительным богатством сложных согласных.

Дело в том, что кáртская группа содержит в своем составе грузинский язык, характеризуемый преобладанием свистящих над шипящими и малогласием, с одной стороны, и два противопологаемых ему своим преобладанием шипящих над свистящими и полногласием языка — мегрельский (иверский) и чанский (лазский), с другой стороны; например, 'собака' по-грузински *ḡaḡli*, а по-мегрельски и по-чански *ḡoḡori* (характерна разница между свистящим одного языка и шипящим других языков, между акающей огласовкой одного языка и окающей других, как между арабским и еврейским языками: *سَلَامٌ salām^{un}* 'мир, покой' || *שָׁלוֹם šalom*; но характерно также малогласие одного языка и полногласие других, как среди славянских языков: *град* || *город*). Если мы рассмотрим соотношение между малогласием и полногласием кáртских языков, мы заметим, что полногласные языки выдерживают в начале слова одно из упомянутых

гармонических сочетаний¹ или сочетание «согласный+v» (иногда сочетание «губной+язычный»), но не выдерживают прочих сочетаний. Например:

	груз.	мегр.-чан.		груз.	мегр.-чан.
‘девятъ’	ḡqra	ḡqoro	‘резать’	tra	tkirua otkiru
‘нос’	ḡqviri	ḡqvindi	‘брат’	ḡma	ḡima ḡuma
‘кувшин’	ḡuri	ḡkudi ḡkudi	‘волос’	ḡma	ḡuma ḡoma
‘верхушка’	ḡveri	ḡvandi ḡvandi	‘муж’	qmarı	qomonḡı qomonḡı
‘старый’	ḡveli	ḡvemi	‘летать’	qriḡva	qurinuva
‘семь’	ḡvidı	ḡqvıḡı	‘зуб’	kbılı	kıbirı
‘солнце’	mze	bja	‘плечо’	mḡarı	ḡḡıḡı mḡıḡı
					сван. meqer ‘рука’.

Сочетания «согласный+v» могут быть без труда опознаны как бывшие лабиализованные согласные, некогда цельные фонемы, разложившиеся впоследствии надвое. А прочие сочетания, непроницаемые для полногласия? Разумеется, и они представляют пережитки некогда цельных фонем (не исключая и сочетаний «губной+язычный», находимых в случаях, как ‘солнце’ груз. mze || мегр.-чан. bja и столь напоминающих цельные фонемы языков суто-чуана ps, bz, pʃ, bʒ). Картские языки подобно семитским обладают внутренней флексией; на это уже давно обращено внимание, и грамматические, а равно и лексикографические труды Н. Я. Марра и его ученика И. Кипшидзе по картским языкам написаны с применением семитологического метода разложения слова на корень, состоящий из двух-трех согласных, и огласовку. И вот, если мы учтем, что сочетания согласных, непроницаемые для полногласия, являются непроницаемыми также для огласовки внутренней флексии («согласный+v» может сливать свою губную работу с огласовкой, например, груз. ḡqva || ḡqo ‘он сказал’, dva || do ‘он положил’, но это не есть проницаемость, которая нас интересует), нам будет ясно, что мы имеем дело с исторически цельной фонемой — с одним корневым или радикалом, как говорят семитологи. Нужно ли особо указывать на сходство картских гармонических сочетаний с двусмычными и им подобными сложными согласными группы шона (из языков банту)? Приведем для примера консонантизм одного из языков этой группы — зезуру, сохраняя принятые для сложных согласных сложные же написания (от двух до четырех букв для обозначения одной цельной фонемы):

¹ Но в более широком смысле, так как грузинским шипящим соответствуют мегрельские и чанские сочетания сибилант+заднеязычный смычный (с гармонией гласных в слове).

	1	2	3	4	5	6	6a	7	8	9
1	p		t						k	
2	b		d						g	
3	mb		nd						ŋg	
4	β			d						
5	m		n			ɲ			ŋ	
6		pf	ts		tʂ	tʃ				
7		bv	dz		dʒ	dʒ				
8						ɲdʒ				
9		f	s		ʂ	ʃ				
10		v	z		ʒ	ʒ				ɸ
11		mv	nz		nʒ					
12				r						
13	w	β						j		
14	pk		tkw						kw	
15	bg		dɣw						gw	
16	mŋ		nŋw			ɲŋ	ɲŋw		ŋw	
17			tskw			tʃk	tʃkw			
18			dʒɣw			dʒg	dʒɣw			
19			skw		ʂkw	ʃkw				
20			zɣw	ɣw	ʒɣw		ʒɣw			ɸw

Здесь 9 делений по месту образования (горизонталь): 1) губно-губные, 2) губно-зубные, 3) зубные, 4) десняные, 5) то же, с оттяжкой языка и продвижением нижней губы, 6) преднёбные, 7) нёбный, 8) занёбные, 9) «гортанное усиление» гласных и 20 делений по способу образования (вертикаль): смычные 1—5 и 14—16, аффрикаты 6—8 и 17—18, щельные 9—11 и 19—20, плавный (12) и полугласные (13); глухие 1, 6, 9, 14, 17, 19, остальные — звонкие; специфическими категориями являются полуносовые 3, 8, 11, имплозивные (4) и различные сложные звуки 14—20, причем горизонталь различает 6 («веляризованный» вид) и 6a (лабио-

веляризованный вид от б), а под № 8 горизонтали не может быть веляризации, так как основные согласные сами звёбные (велярные).¹

Происхождение интересующих нас согласных зезуру достаточно ясно благодаря прозрачности морфологии языков банту и большому разнообразию диалектальных вариантов в группе шона; первое обстоятельство позволяет выяснить, что двусмычные и им подобные сложные согласные являются результатом лабио-веляризации на почве плотного сращения предыдущего основного согласного с последующим w, что имеет место на стыке классового префикса с начальным w основы и на стыке основы с суффиксом пассива -wa или с уменьшительным суффиксом -wapa; второе обстоятельство позволяет выяснить еще источник сложных согласных — перерождение шумно-латеральных щельных (обычно палатализованных, как и в яфетических языках). Для превращений лабио-веляризованных согласных в языках шона составлена таблица (полуносовые и аффрикаты отличаются лишь началом).²

p+w → pk, px, p [̂] w, pw		ɲ+w → ɲw
t+w → tkw, txw, tw, xw		r+w → rgw, rɣw, rw, gw
k+w → kw, pkw		s+w → skw, sxw, sw, xw
β+w → dg, bɣ, b [̂] w, bw, vɣ, bɣ		z+w → zɣw, zw
ɸ+w → dɣw, ɸw		ʃ+w → ʃxw, ʃw
g+w → gw, bgw,		ʒ+w → ʒɣw, ʒw
m+w → mɲ, m [̂] w, mɲ, mw		ʒ+w → ʒɣw, ʒw
n+w → nɲw, nw, ɲw		h+w → hw.
ŋ+w → ɲw, mɲw		

Знаки \widehat{w} , \widehat{w} выражают «резонанс», оставшийся от былых глухого и звонкого. Картские гармонические сочетания отражаются в этой таблице, как в зеркале (хотя здесь речь о совершенно других и столь далеких языках!); только иногда нужно отнять w, написанное в конце сложного обозначения, а иногда и оно цело (груз. v). Но коснемся и перерождения двух разных l; мерилom для группы шона являются глаголы 'есть, кушать' (суахели *kula*, зулу *ukudla*) и 'бояться' (суахели *kutya*, зулу *ukusaba*), для латеральных звуков которых зарегистрированы в шона такие соответствия (Doke, 75): для звонкого латерального в первом слове найдено

¹ Но вместо kw, gw, ɲw встречаются также pkw, bgw, mɲw, т. е. с осмыслением губной работы в качестве приступа и с сохранением круглогубно-щелевой работы в качестве отступа.

² С. М. Doke. A comparative study in Shona phonetics. Johannesburg, 1931, стр. 210—211.

13 вариантов — l, l̥, j l̥, lj, lj, rj, rg, j, j, dj, z, dz, dzg; для глухого латерального во втором слове найдено 9 вариантов — ɕ, t ɕ, fɕ, ftɕ, c, tɕ, ʃ, tʃ, tʃk.¹ Любопытным примером является 'табак' из португальского *folha*² (собственно 'лист'), которое распространено по языкам шона во всех возможных вариантах от folja до fodzga. Оба источника сложных согласных одинаково приводят к поднятию зад языка (w, j → γ → g; m, ɕ → x → k; w̃, ʃ̃ → ɣ̃ → ŋ) независимо от характера основного согласного: и свистящие и шипящие осложняются теми же самыми заднеязычными работами; вот почему картские tk, dɕ, ʒɕ обходятся без участия ряда k, g, q. Дальнейших деталей нужно ждать от кавказоведов, коим доступно большее и по истории языков Кавказа и по живым говорам его современных обитателей.

Вопрос о происхождении картских гармонических групп решался разное. Н. Я. Марр первоначально видел в них раздвоение удвоенных заднеязычных (например, *q̃ → ɕq), позже считал их раздвоением диффузных звуков — нерасчлененных артикуляций первобытной звуковой речи (*h̃ ↗ tk → dɕ → ɕq и т. д.). Дальнейшая разработка труднейших вопросов яфетического языкознания с привлечением еще неиспользованных богатейших материалов бесписьменных колониальных языков — то, о чем всегда мечтал Н. Я. Марр — обещает дать много совершенно неожиданных результатов. Но даже и письменные государственные языки до сих пор недостаточно использованы; укажу, что по вопросу о двусмычных согласных многое может дать классический тибетский язык с его поразительными многосогласными сочетаниями.

К двусмычным относятся и щелкающие звуки, характерные преимущественно для языков Южной Африки. Они употребляются как настоящие фонемы в языках бушменских, готтентотских и южных банту. При образовании этих звуков делаются обязательно две одновременных смычки в разных частях произносительного аппарата, причем одна из смычек делается обязательно между задом языка и мягким нёбом (т. е. потенциальное k — сравните двусмычные шона и картские гармонические сочетания!); замыкание производится всасыванием, как у имплозивных, и характерный чмокающий звук получается от врыва внешнего воздуха в рот (легкие не

¹ В этой транскрипции знак j выражает согласный по отношению к гласному i (в практической африканской латинице пишут u); c, j, ɕ — нёбные (палатальные); глухой смычный, звонкий смычный и глухой щельный. Лигатура из lg выражает нечто среднее между l и r (латеральное одноударное r?)

² Португальское lh соответствует испанскому ll, итальянскому gl (знак МФА — ʎ); на слух близко к русскому ль, хотя *Magalhães* [швʁeʎãĩ] передано у нас *Магеллан*.

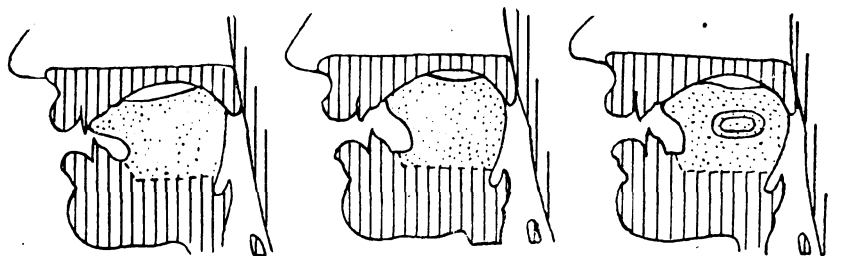
участвуют, как у имплозивных и эктивных; поэтому термин «вдыхательные» или «инспиративные» к щелкающим звукам ни в какой мере не применим). Щелкающие звуки бывают различных видов: по месту образования — губной, зубной, преднёбный, заворотный, щечный¹ (= лабиальный, дентальный, альвеолярный, ретрофлексный, латеральный); по способу образования — все ступени озвончения с различием носовых и неносовых. Все виды щелкающих звуков употребительны лишь у бушменов;² без губного — у готтентотов; без губного и преднёбного — у южных банту. Транскрипция щелкающих звуков представляет большие затруднения, так как опираться не на что: в европейских алфавитах эти звуки не предусмотрены, а туземцы получили письменность от европейцев-миссионеров, коим приходилось придумывать различные способы для обозначения столь необычных для европейца фонем. В практическом письме готтентотского языка нама зубной щелк обозначается |, преднёбный †, заворотный !, щечный ||, например, |àob 'змея', † èis 'нога', !kómi 'семя', || nǎ 'сопровождать'; в практическом письме зулу — зубной *s*, заворотный *q*, щечный *x*; способ образования показывается предыдущей или последующей буквой (звонкий *g*, придыхательный *h*, носовой *n*). В научных работах либо воспроизводится практическое письмо (кое-когда с добавками), либо используются индивидуальные знаки авторов: так, серповидные знаки *đ*, *b*, *q*, *z*; греческие буквы *φ*, *δ*, *τ*, *ϕ*, *κ*; перевернутые латинские буквы *d*, *z*, *q*, *z* и т. д. и т. д. Самый точный из до сих пор предложенных способов принадлежит С. Meinhof'у: диакритический значок в виде треугольничка ставится на нормальный транскрипционный знак, выражающий место и способ образования передней смычки, равно ступень озвончения и наличие или отсутствие носового резонанса, например: $\overset{\Delta}{p}$, $\overset{\Delta}{t}$, $\overset{\Delta}{t}$, $\overset{\Delta}{t}$, $\overset{\Delta}{t}'$... $\overset{\Delta}{m}$, $\overset{\Delta}{n}$, $\overset{\Delta}{n}$, $\overset{\Delta}{n}'$, $\overset{\Delta}{n}$... Здесь под треугольничком нужно подразумевать всасывающее размыкание и заднюю смычку (к, g, ŋ).

В африканистической литературе щелкающие звуки считаются исконным достоянием одних только бушменов; наличие таких звуков у готтентотов и южных банту объясняется заимствованием у бушменов. Правда, заим-

¹ В своей основе губной = \widehat{pk} , зубной = \widehat{tk} или \widehat{tsk} , преднёбный = $\widehat{t}k$ (спинка языка прижимается к деснам и переднему нёбу), заворотный = \widehat{tk} , щечный = \widehat{tk} . Акустический эффект губного похож на поцелуй; зубного — знак досады (английские *tut tut*); преднёбного — тоже, но менее резкий вариант; заворотного — напоминает «выстрел» пробки из бутылки; щечного — как погоняют лошадь.

² Приписываемый бушменам в старой африканистической литературе «гutturальный» щелк (знак Г) оказывается эктивным язычковым африкатом ($q\chi'$). Не во всех бушменских языках наблюдается и губной щелк (знак ⊙).

ствование звуков вообще происходит редко: для этого требуются совершенно особые условия (двуязычие сожительствующих народностей и тесное общение между ними). Вне этих условий чужие звуки подменяются своими, получается «акцент». Но в африканистике сильно злоупотребляют принципом заимствования; Doke (стр. 48) полагает, что имплозивные согласные (b, d...) появились у побережных банту под индийским влиянием, так как в одном из индийских языков — синдхи тоже нашлись имплозивные, и при этом оставляет без объяснения, как же имплозивные попали в языки Судана и Западной Африки (бари, вай, ибо, фуль, хауса). Нужно учесть еще то обстоя-

Зулу с.

Зулу g.

Зулу х. Овал — место латеральной размычки.

тельство, что щелкающие звуки встречаются в языках готтентотов и южных банту не только в бушменизмах, коих там вообще мало, но главным образом в их исконном материале, причем щелкающие звуки этого материала не проявляют никаких закономерных соответствий со своими эквивалентами в нещелкающих языках (для готтентотских имеются в виду хамитские эквиваленты). Кроме того, у бушменов и готтентотов щелкающие звуки встречаются только в начале слова, а у южных банту на любом месте, где только допускается согласный. Остроумное объяснение этого чрезвычайно запутанного вопроса дано английским африканистом,¹ предполагающим, что щелкающие звуки занесены в общество южных банту женами из завоеванных готтентото-бушменских районов как средство маскировки запретных слов (в силу царящего у зулу обычая — женского табу, называемого *hlonipa* [ɬ onɪ:pha]).

Что касается вопроса о происхождении щелкающих звуков, мы должны, конечно, отклонить и такие поверхностные его решения, как гипотеза Bleek'a о звукоподражательном усвоении щелкания пальцами, хлопания в ладоши

¹ C. U. Faye. The influence of «hlonipa» on the Zulu clicks. Bulletin of the School of Oriental Studies, London institution, 1925, vol. III, part IV, pp. 757—782.

и т. д., и такие решения, которые не учитывают двусмысленности щелкающих звуков, как, например, гипотеза кардинала Шмидта о развитии щелкающих звуков из эктивных (и те и другие образуются без участия легких). Но мы должны обратить внимание на другое явление: в некоторых местах группы шона употребляется импловивный двусмысленный $m̃$ (Doke, стр. 113), который производит акустический эффект поцелуя; между тем в группе шона щелкающих звуков нет. Таким образом можно установить возникновение щелкающих звуков из двусмысленных, как только к ним применяется всасывающее размыкание. В данном случае речь идет о людях, привыкших артикулировать звуки b, d импловивно ($= \text{b̃}, \text{d̃}$) и о сочетании губной смычки с заднеязычной, т. е. совпали два условия образования щелкающих звуков; ход развития представляется таким: $m\bar{w} \rightarrow m\bar{w} \rightarrow \widehat{m\bar{w}}$ (Doke, стр. 161), тогда как наличные в восточном шона звуки $bw, b\gamma, dw$ не дошли до развития в $\widehat{gb}, \widehat{dg}$ (т. е. в щелкающие звуки).

V

«Гортанное усиление» гласных достигается сужением прохода в полость зева и придает акустический эффект арабских $ع, ع$ (h, c), которые образуются с таким же зевным (фарингальным) сужением, но первый — звук резкой шопотной артикуляции, а второй — скрипучего голоса (нем. «Knarrstimme»). В африканских языках «гортанное усиление» встречается не только у тех народностей, которые владеют согласными фонемами h, c (часть говорящих на семито-хамитских языках), но и у тех, которые такими фонемами не владеют: в суданских языках нуэр и динка фонематически различаются два голоса¹ — со сжатым зевом и со свободным зевом; эта разница сказывается и на оттенке гласных, но практическое письмо не отражает различия этих двух голосов. Относительно южных банту следует учесть замечание Doke'a (стр. 92) о том, что произносительная работа, обозначаемая им посредством h , является фактически не отдельной согласной фонемой,² а сильным сужением зева за всё время артикуляции гласного; в центральном шона h встречается 1) с гласными — $\text{ha}, \text{he}, \text{hi}, \text{ho}, \text{hu}$; 2) с полугласным — hw ; 3) после носовых — mh, nh ; 4) изредка после импловивных — bh, dh . В таком случае, вероятно, звук hw должен напоминать хоть немного абхазское w . В одном из языков шона — каранга — Doke (стр. 222) нашел междометие,

¹ D. Westermann & I. Ward. Practical phonetics for students of African languages. London, 1933, pp. 204, 210.

² Международная фонетическая ассоциация употребляет этот знак для звонкого h , которое мы слышим в украинском на месте правописного z .

выражающее ружейный выстрел, и обозначает его: *bam* (где фарингализованное [a] и слогообразующее [m]). В яфетических языках, преимущественно в горских, встречаются согласные, передаваемые в аналитическом алфавите знаками ħ, ʕ. Они часто встречаются в арабских словах (на месте ع; ع), но бывают и в исконном материале. В абхазском, как уже указывалось, есть лабио-палатализованные фарингальные ħ, ʕ. В некоторых языках ʕ описан как звонкий гортанный взрыв, фонетически отличный от глухого гортанного взрыва ʕ; так, в даргинском, кубачинском, чеченском. В некоторых же языках имеем «гортанное усиление» гласных, т. е. их фарингализацию; так, в удинском. Все эти работы влияют на оттенок гласных, именно в сторону среднего ряда (МФА ä, ë, ï, ö, ü — средние между α, v, ш, о, u & a, e, i, ø, y). Подобные явления вполне обычны для семитских языков: оттенок гласного меняется в этом же направлении; в мальтийском наречии ع сливается с гласными в одно целое («*ainierte Vokale*», как выражается Н. Stumme в своих «*Maltesische Studien*»). Можно прибавить, что аналогичные явления не чужды американским и палеоазиатским языкам.

VI

В приводившихся выше примерах из картской группы яфетических языков нетрудно усмотреть, что грузинскому -r- соответствует мегрело-чанское -nd- (или его замена); так, груз. ḍri 'корень' || мегр. ḍindḍi, груз. ḍari 'бык' || мегр. ḍodi, груз. beri 'старик' || мегр.-чан. badḍi. Если учесть свойственную мегрельскому и чанскому языкам блуждающую назализацию, т. е. появление носового там, где его нет в грузинском (или даже в источнике заимствования, если данное слово не свое, между прочим — как в языке хауса), то напрашиваются к сравнению некоторые явления африканских языков. Так, сочетание n+g дает nd (не только в языках банту, но и в других, например, в фуль); в кордофанском¹ заворотные n, l, r при медленном произношении развертываются в два звука [nd, nd]; Doke (стр. 80) встретил в языке гарве (из шона) индивидуальное произношение kundja, fondja вместо обычных kulja 'кушать', folja 'табак' (о которых говорилось выше). Таким образом оказывается, что Кавказ и Африка гораздо ближе друг к другу в фонетическом отношении, чем в географическом.

¹ Н. Junker & W. Czermak, *Kordofan-Texte im Dialekt von Gebel Dair*. Wien, 1913, стр. 13. Авторы пишут для развернутых вариантов пересеченные *ld, nd*, нигде не объясняя этих знаков. Об этом см. С. Meinhof в «*Zeitschrift für Kolonialsprachen*», VIII, 261.

N. YUSHMANOV

PHONETIC PARALLELS BETWEEN THE AFRICAN AND THE JAPHETIC LANGUAGES

Summary

A comparison between phonetic systems of the African and the Japhetic languages shows numerous surprising parallels, viz.:

1. A phonematic distinction of consonants according to several degrees of the glottis activity (as breathed, aspirated, voiced, ejective, e. g. *p*, *ph*, *b*, *p*, etc.).
2. A seriate labialization together with palatalization or velarization.
3. A complete series of sibilant laterals (stops, affricates and fricatives).
4. A rich development of affricates and other complex consonants.
5. A pharyngeal contraction as distinctive mark of some consonants and vowels with an acoustic effect resembling the Arabic *ḥā* and *ʿayn*.

The parallels of such a kind can be showed also between these languages and the American native idioms. This circumstance is of great importance for the general linguistics as far as we have to do with the phonetic side of the unique glottogenic process.

There are some divergences between the two compared groups of languages, but it seems to be possible that the divergences witness the former convergences. Thus e. g. the clicks, so characteristic for the South African languages, are missing in the Japhetic, but the Georgian, Mingrelian and Ch'anian complexes as *tk*, *dg*, *tskh*, *chkh*... being morphologically indivisible and phonetically quite so condensed as the Shona articulations of this type can be compared with the clicks because these are formed with two simultaneous closures as well as those: it is sufficient to make a click explosive, and we have a *tk* (or anything similar); it is sufficient to make a *tk* implosive, and we have a click. Another example: the nasalized phonemes — consonants as well as vowels — are very rare in the Japhetic languages but very common in the African. There is however a point which seems to show us a former nasalizing (and retroflexing) activity of the Japhetic: an intervocalic *-r-* of the Georgian has as its equivalent in the Mingrelian and Ch'anian a *-nd-* or *-nj-*, e. g. G. *ts'veri* 'top' || M. *ts'vanji* & *ts'vandi*. Here is to remember the known African law *nr* → *nd* and the usual bifurcation of a retroflex *l*, *r*, *n* into *ld*, *rd*, *nd* as in the Kordofan language.

The Japhetic accentology being hitherto quite unexplored, we cannot say anything about musical accent or tonetics while this phonetic attribute is so richly developed in the African languages.